

Протопресвитер
Виталий Боровой

КОНСТАНТИНОПОЛЬ,
РИМ И ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК
В ПЕРИОД «АКАКИАНСКОЙ СХИЗМЫ»
(484–518 ГГ.)

Минск
Издатель А. Н. Янушкевич
2017

УДК 27-86-9 «04/05»
ББК 86.37-34
Б83

Боровой, В.М.

Б83 Рим, Константинополь и христианский Восток в период «акакианской схизмы» (484–518 гг.) / Виталий Боровой. — Минск : А.Н. Янушкевич, 2017. — 316 с.
ISBN 978-985-7165-08-7.

Книга протопресвитера Виталия Борового (1916–2008) посвящена важному, но малоизученному эпизоду в истории христианской Европы — так называемой «акакианской схизме». Детальная картина первого открытого столкновения Рима и Константинополя (предыстория, хронология событий, раскрытие основных мотивов участников и т.д.) дана на фоне совместной борьбы этих двух центров политической и духовной власти Империи с монофизитской ересью за халкидонский догмат.

Книга представляет несомненный интерес как для профессиональных историков и богословов, так и для самого широкого круга читателей.

**УДК 27-86-9 «04/05»
ББК 86.37-34**

ISBN 978-985-7165-08-7

© Боровой Р.В., 2017
© Оформление. Издатель А.Н. Янушкевич, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ (Р. Боровой)	5
ПРЕДИСЛОВИЕ (Д. Гзгзян)	9
ВВЕДЕНИЕ	24

ЧАСТЬ I

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИЯ «АКАКИАНСКОЙ СХИЗМЫ»

Глава 1. Источники	28
А. Главные (специальные) источники	28
1. <i>Collectio Avellana</i>	28
2. « <i>Publizistische Sammlungen zum Acacianischen Schisma von E. Schwartz</i> »	65
Б. Другие (общие) источники	76
1. Источники документального характера	76
2. Современные эпохе источники	78
3. Источники VI–VII вв., восходящие к свидетельствам современников «акакианской схизмы»	79
4. Источники позднейшего времени	84
Глава 2. Краткий обзор историографии вопроса	85
А. Русская историография	85
Б. Западная историография	90
В. Историография стран Православного Востока	98

ЧАСТЬ II

ВОСТОК ПОСЛЕ ХАЛКИДОНСКОГО СОБОРА ДО ИМПЕРАТОРА ЗИНОНА (ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «АКАКИАНСКОЙ СХИЗМЫ»)

Глава 1. Церковная политика императора Маркиана (450–457) после Халкидонского Собора	99
А. Историческое значение Халкидонского Собора	99
Б. 28-е правило Халкидонского Собора (патриарх Анатолий и папа Лев I Великий)	103
В. Монофизитская реакция после Собора	120

Глава 2. Церковная политика императора Льва I Великого (457–474)	139
А. Внешние и внутривполитические факторы церковной политики императора Льва I Великого	139
Б. Возмущение в Египте после смерти Маркиана и убийство Протерия	150
В. <i>Codex eusebius</i> императора Льва I и неудавшаяся попытка монофизитов ревизии халкидонских постановлений	155
Г. Монофизитские волнения в Антиохии при патриархе Мартирии и узурпация Петра Гнафея	173

ЧАСТЬ III

УНИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА ЗИНОНА (ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «АКАКИАНСКОЙ СХИЗМЫ»)

Глава 1. Церковная политика императора Зинона до издания Энотикона	178
А. Внешние и внутривполитические факторы церковной политики императора Зинона	179
Б. Торжество монофизитства при Василиске	189
Глава 2. Издание Энотикона и разрыв между Римом и Константинополем	195
А. Халкидонская реакция после возвращения Зинона	195
Б. Энотикон Зинона и ближайшие его последствия	208
В. Разрыв между Римом и Константинополем и возникновение «акакианской схизмы»	217

ЧАСТЬ IV

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА АНАСТАСИЯ I И ЮСТИНА (НАРАСТАНИЕ КРИЗИСА И КОНЕЦ «АКАКИАНСКОЙ СХИЗМЫ»)

Глава 1. Восточно-церковная политика императора Анастасия I	237
Глава 2. Халкидонская реакция при Юстине (конец «акакианской схизмы» и вхождение папства в орбиту византийской имперской политики)	270

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	290
------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	293
--------------------	-----

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	303
-------------------------	-----

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Кратко обозначим основные моменты биографии о. Виталия Борового до середины 1950-х гг. (т.е. до написания им предлагаемой работы), не претендуя при этом на полную объективность суждений¹.

Родился в 1916 г. в бедной (безлошадной) крестьянской семье православных белорусов. Окончил 7 классов польской начальной школы в деревне Парафианово (совр. Докшицкий р-н Витебской обл., Беларусь). С детства отличался огромной любовью к чтению.

По рекомендации настоятеля храма в деревне Ситцы о. Евстафия (Недельского) поступил в Виленскую духовную семинарию. Окончив это учебное заведение в 1936 г. лучшим по выпуску, В. Боровой поступил на Православный богословский факультет Варшавского университета (мать Христина Максимовна для продолжения образования сына продала единственную корову). Образование он получил в русле русской богословской мысли и духовной культуры XIX — начала XX в. и одновременно — в традициях европейской историко-философской научной школы, уходящей корнями в гуманистические идеи XVI–XVII вв.

Не окончив учебу, но уже обладая определенной суммой знаний, которые он ни при каких условиях не смог бы получить в 1930-е гг. на территории СССР и, что важнее, сформировавшись как личность, обладая независимостью мышления и отчетливым пониманием разницы между научным методом исследования и априорно-догматическим подходом (что, в конечном счете и определило его дальнейшую судьбу), автор в 24 года начал проходить «школу советской власти».

К этому периоду его жизни относится работа над предлагаемым вниманию читателя исследованием по истории древней церкви. С большой долей вероятности можно предположить, что тема исследования была намечена автором еще в конце 1930-х гг. в Варшаве, где с осени 1936 г. до лета 1939 г. он успел окончить три курса богословского и два курса исторического факультета.

Война помешала дальнейшей учебе и, в перспективе, научной карьере под руководством таких известных историков и богословов, как уче-

---

¹ Жизнь и деятельность о. Виталия Борового ждет своего исследователя. Будем надеяться, что к тому времени, когда будут открыты соответствующие архивы, проблема все еще сохранит свою актуальность. Краткую (официальную) версию см.: Буевский А.С., Боровой В.М. Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2003. С. 81–82.

ник М.К. Любавского проф. М.В. Зазыкин, блестящий знаток древних и восточных языков, патролог архимандрит Григорий (Перадзе), ученик Е.Н. Трубецкого, профессор Н.С. Арсеньев, который хотел видеть автора своим преемником по кафедре, и ряда других российских эмигрантов — ученых и богословов, преподававших в то время в Варшавском университете.

Непосредственная работа над темой была, видимо, начата только десять лет спустя, в Жировичах, куда о. Виталий был направлен в 1945 г. для организации пастырско-богословских курсов, спустя два года преобразованных в Минскую духовную семинарию, где он и преподавал до 1954 г. Окончена и защищена данная работа (под названием «Церковная политика византийских императоров в связи с так называемой «акакианской схизмой») — в 1955–1956 гг. в Ленинградской духовной академии, куда автор был переведен из Жирович.

По отзывам рецензентов, даже первой, отдельно взятой, источниковедческо-историографической части этого исследования², было бы более чем достаточно для получения звания кандидата богословия, в целом же работа оценивалась как «выдающаяся и заслуживающая особого внимания Ученого совета Ленинградской духовной академии».

Теперь, в более чем полувековой ретроспективе, мы можем ставить вопрос о роли этого исследования в дальнейшей судьбе его автора. Данная работа как бы подводит итог первой половине его жизни и намечает путь, о котором он мечтал и к которому готовил себя — путь историка-исследователя и преподавателя³.

Сам автор позднее вспоминал, что выбирая тему, он мечтал когда-нибудь стать продолжателем дела такого маститого исследователя истории древней церкви, как проф. В.В. Болотов, научный метод которого он считал непревзойденным.

Однако судьба решила иначе. Уже во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг., еще оставаясь сотрудником «кафедры Болотова» (членству на которой он так «по-детски» радовался), о. Виталий все более активно участвует в богословско-дипломатической деятельности (Москва, Рим, Женева и др.) — там, где это требовалось Церкви. По словам Митрополита Ки-

---

² Первый раздел диссертации (60 страниц) под названием «Collectio Avellana» как исторический источник к истории взаимоотношений Востока и Запада в конце V и начале IV века», был напечатан в 1960 г. в первом выпуске «Богословских трудов» (издание Московской патриархии).

³ По воспоминаниям многих студентов Минской духовной семинарии (1945–1954), Ленинградской духовной семинарии и академии (1954–1961) и Московской духовной академии (1970-е гг.) часть из которых опубликована, «...о. Виталий был блестящим лектором, глубоко владеющим материалом... Сказать, что я был потрясен — мало. Это было удивительно, захватывающе. Лучшего лектора я не слышал никогда...», «... (он) был бесподобным преподавателем ... на (его) лекциях студенты сидели буквально «разинув рот»...».

рилла (Гундяева), ныне Патриарха Московского и всея Руси, у о. Виталия «...был дар (...) в инославной среде (...) свидетельствовать о силе и прямо-те православия, о значении Предания для жизни Церкви. В этом смысле он был учителем для многих из нас»⁴.

По мнению специалистов (в основном из Европы, где он преимущественно и работал), о. Виталий являлся одним из лучших богословов Русской православной церкви 2-ой пол. XX в.: «...встречаясь с о. Виталием, инославные христиане потом с удивлением свидетельствовали, что они (...) не ожидали (...) увидеть человека такой эрудиции и такой внутренней открытости по отношению к тем, с кем он вел диалог»⁵.

В итоге, вместо того, чтобы писать книги, он, хотя и не по своей воле, прожил жизнь, которая, по большому счету, может сама дать материал для нескольких книг.

Это была жизнь проповедника, который, начав служение настоятелем собора в Гомеле в октябре 1944 г., менее чем за полгода приобрел такую популярность у прихожан, что уже весной 1945 г. Уполномоченный по делам религии потребовал убрать его из города под любым предлогом.

Позднее, в 1973–1978 гг. о. В. Боровой собирал «всю православную Москву» на свои проповеди в Богоявленском соборе, где во всеуслышание мог сказать: «...нас, христиан, нашу веру ... называли, да и сейчас называют, религией рабов ... да, мы рабы Божьи, но если мы Божьи рабы — то мы больше ничьи рабы!».

В то же время о. Виталий являлся богословом и церковным дипломатом высшего ранга — как по официальному статусу⁶, так и по фактическому вкладу в непростой процесс межцерковного диалога. Еще в 1961 г. он на III Ассамблее Всемирного совета церквей в Нью-Дели разработал и обосновал основополагающий критерий членства в Совете — исповедание догмата Св. Троицы, внесенный тогда же в официальный Базис ВСЦ. Впоследствии о. Виталий принимал активное участие в работе IV–VII Ассамблей ВСЦ; в 1966–1975 гг. занимал должность заместителя директора постоянной комиссии ВСЦ «Вера и церковное устройство».

Он был человеком, обладающим неким пророческим даром, человеком, который еще полвека назад, в 1967 г., в Риме в беседе с известным униатским епископом, говоря о будущем своей родины, мог сказать: «Беларусь будзе, але ані капіталістычная, ані камуністычная. Але ня будзе яна такая, якую жадаюць яе мець беларусы, у Лёндане ці дзе індзей...»⁷.

---

⁴ Слово на отпевании протопресвитера Виталия Борового в Богоявленском Елоховском соборе в Москве. Режим доступа: <http://portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=61817>

⁵ Козлов М., прот. В его жизни было очень немного для самого себя. Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/106899.html>

⁶ В 1961–1991 гг. — член Центрального комитета ВСЦ; в 1961–1972 гг. и 1983–1989 гг. — заместитель председателя ОВСС Московского патриархата (при четырех руководителях Отдела).

⁷ Надсан А. Біскуп Чэслаў Сіповіч, святар і беларус. Мінск, 2004. С. 180.

А спустя примерно 10 лет, в конце 1970-х гг., на заседании Синодальной комиссии по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси о. Виталий «...пророчески начертал огромный план работы. (...) Он говорил о Церкви — вечно живой и никем не побежденной. (...) Он верил в преображение нашей страны, а поэтому говорил о расширении духовного образования, об открытии храмов и монастырей, (...) о канонизации многих почитаемых святых, мучеников и исповедников. (...) Он говорил о том, что было дорого и понятно абсолютно всем, но о чем, в силу известных обстоятельств, никто не мог сказать вслух. (...) Многим тогда показалось, что отец Виталий потерял чувство реальности и забыл, где и с кем он говорит. Это было вдохновенное слово пророка, который не мог молчать и говорил то, что ему подсказывала совесть»⁸.

Это издание — дань памяти незаурядного человека, видевшего свое предназначение в том, чтобы исследовать историю Церкви, но которому было предназначено, по мере сил, творить эту историю.

Для родных, близких и достаточно широкого круга лиц, знавших автора как проповедника, мыслителя и общественного деятеля Русской православной церкви, данная публикация будет иметь, прежде всего, мемориальный характер. Вместе с тем, беря на себя смелость опубликовать исследование, написанное 60 лет назад⁹ и посвященное столь специфической проблеме, мы все же надеемся, что это издание вызовет определенный интерес и у специалистов.

Текст набран по машинописной авторской копии, практически без изменений. Мы лишь сочли возможным изменить название, придав ему более «общий» характер, а также снабдить книгу именованным указателем, памятуя слова, которые часто любил повторять автор, что «книга без указателя — не книга».

Благодарим всех, кто так или иначе трудился над изданием этой книги.

Ростислав Боровой

---

⁸ Епископ Сергей (Соколов). Правдой будет сказать... Записки о пережитом. Новосибирск, 1999. С. 99–100.

⁹ Издатель отдает себе отчет в том, что автор, в силу присущей ему научной добросовестности, при жизни никогда не дал бы согласия на эту публикацию — по крайней мере, без фундаментальной доработки историографических разделов, а также проверки базы документальных источников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Византистика не только относительно молодая область гуманитарного знания, — у нее есть одна яркая характерная особенность: эта дисциплина находится на стыке секулярной и церковной науки, причем, в отличие от западноевропейской медиевистики, спайка светского и духовного здесь существенно сильнее. Ни одна сторона жизни Восточной Римской империи, ни один политический проект, тем более эпоха в целом не могут быть поняты вне этого особенного и зачастую трудно прослеживаемого контекста, в котором взаимодействуют империя и церковь, политика, идеология и богословие.

В истории Восточной Римской империи обнаруживается россыпь совершенно своеобразных прецедентов такого взаимопроникновения. Чего стоят одни знаменитые пассажи о «священстве» и «царстве» как двух богоданных формах власти (симфонии), о православии как душе и империи как теле христианского мира. К месту здесь будет упомянуть и особый византийский феномен богослова-императора, выступающий на первый план в такие моменты истории, когда с точки зрения власти особенно востребованы решительные меры, способные, по мнению властителей, быстро внести ясность в сложный богословский вопрос и, прекратив этим теологическую полемику, успокоить подданных или даже положить конец политическим или идеологическим распрям. Достаточно вспомнить Юстиниана с его псевдоантиоригенистскими или афтартодокетически окрашенными трактатами, Иоанна Цимисхия с его активным участием в споре о предмете и восприемнике евхаристической жертвы, не говоря уже о императорах эпохи иконоборчества. Критический взгляд на эти и другие прецеденты не преминет усмотреть в целом курьезный характер результатов богословской активности верховных властителей и, возможно, будет справедлив в своей оценке. Нас же здесь более занимает сам факт столь своеобразного участия империи в делах церкви, ярко характеризующий сложившийся со временем облик церкви и государства Второго Рима.

Хронологические рамки данного исследования зримо очерчивают едва ли не первый поворотный момент в тысячелетней истории формирования особого «византийского мира» («Византийского содружества наций», по определению Д. Оболенского), мира, в котором внутрицерковные события, в частности, чисто догматические споры повсеместно перерастали в политические конфликты и зачастую — в открытые мятежи. Неволь-

но возникает вопрос, что здесь становится предметом исследования: жизнь церкви, государства, или речь все время должна идти о становлении странного симбиоза первого и второго, в ходе которого разные линии его бытия завязываются в неожиданные причудливо запутанные узлы. При этом название книги говорит о том, что вся эта история рассматривается в рамках специального вопроса о взаимоотношениях Константинопольской кафедры и Римского престола в связи с произошедшим расколом, обычно называемым «акакианской схизмой».

Надо сказать, что при известности этого исторического факта и сам он, и весь соответствующий период византийской истории практически никогда не оказывались предметом специального исследования. С момента завершения настоящего исследования прошло уже больше шестидесяти лет, но оно продолжает оставаться единственной попыткой подробно рассмотреть эту интригу, в которой как нельзя лучше видно, насколько взаимно переплетены церковный и политический аспекты событий. Казалось бы, здесь следовало ожидать повышенного исследовательского интереса. Но вышло так, что работа протопресвитера Виталия Борового — все еще единственный труд на эту важную и многообещающую тему. Тем более следует ненадолго остановиться на личности автора и судьбе его сочинения, столь долго ожидавшего публикации.

Эта монография представляет собой магистерскую диссертацию о Виталия, выполнившего и успешно защитившего ее в тогда еще Ленинградской духовной академии в 1955 г. Несмотря на внешне скромный статус работы, она представляет собой значительное явление в русской церковно-исторической науке, а ее автор показывает себя сложившимся самостоятельным исследователем. Это обстоятельство особенно заметно по той части сочинения, где представлены его основополагающие источники.

Вообще в лице о. Виталия мы сталкиваемся с удивительным и неожиданным для его времени совпадением двух редких качеств: он и сам принадлежит истории Русской православной церкви, и одновременно в настоящем сочинении предстает ее маститым знатоком и исследователем. В свое время, по воспоминаниям хорошо знавших его людей, о. Виталий бурно радовался, когда его приняли в Академию на кафедру истории, и этот восторг он передавал словами: «Меня взяли на кафедру Болотова». Публикуемая работа наглядно показывает, что ее автор не просто пополнил список лиц, трудившихся на кафедре этого бесспорного титана русской церковно-исторической науки, но и сделался заметным продолжателем его дела. Это тем более знаменательно, если принять во внимание выпавшие на долю о. Виталия тяжкие времена как для него лично, так и для церкви и, соответственно, для церковно-исторической науки.

Работа распадается на две внутренне самостоятельные части: источниковедческую и собственно историческую, которые связаны общей темой так, что в первой анализируется основной источник для второй. Раздел, пос-

вященный источнику, вопреки обыкновению, производит впечатление отдельного блестящего профессионального исследования, которое к тому же привело автора и к открытиям, и к возможности предложить заслуживающие внимания гипотезы. Автор сам заявляет об этом во введении: «Так как исторические источники данной эпохи сравнительно еще мало изучены и некоторые из них еще недавно только опубликованы, причем ничего из этого нет на русском языке и пришлось потратить немало времени на их изучение, то мне казалось целесообразным в порядке как бы некоторого творческого отчета в качестве I части сочинения дать историко-литературную характеристику источников и историографии «акаианской схизмы»¹. Этот удачно названный «творческий отчет» привел к результату, который о. Виталий здесь же скромно и почти прозаически характеризует так: «А так как в процессе работы над главным, основным источником этого времени *Collectio Avellana* мне удалось, по-видимому, идентифицировать неизвестную до сих пор в науке личность составителя редактора этого «Сборника», то я и попытаюсь дать в этой части посильное обоснование своему предположению». Между тем речь идет об авторской идентификации важнейшего и уникального источника. И, как будет видно потом, это очень вероятное авторство служит убедительным штрихом к интерпретации основного исторического сюжета.

Однако вначале речь еще идет об истории «*Collectio Avellana*», церковном статусе и отношении к Берлинскому корпусу этого источника, в котором двумя основными историографами, описавшими «*Avellana*», Гюнтером и Швартцем, были обнаружены документы, совпадающие с анализируемым собранием. По этому поводу немецкие ученые выдвигают предположение о существовании по крайней мере одного, а то и двух (Гюнтер) гипотетических общих источников. И здесь о. Виталий находит изящное источниковедческое решение, увязывая вопрос о происхождении общих документов с предполагаемой персоной собирателя коллекции. Он предлагает исходить из того, что перед нами частное, а не официальное собрание, что доказывается наличием неожиданных пометок, которых не могло бы быть в исходящих бумагах папской канцелярии, равно как и оборотов комментаторского характера.

Надо сказать, что вся работа о. Виталия заставляет думать, что ее автор совершил предельно «глубокое погружение» в материал, вследствие чего на исковых глубинах ему стали открываться неожиданные вещи, как правило, недоступные взгляду, старающемуся отстраниться от анализируемых реалий. Известно, что разные исследовательские задачи могут требовать то одной, то другой методики, но в данном случае, избрав вариант «погружения», наш автор приходит к многообещающим выводам, с одной стороны, и очень умело открывает возможности своего метода и читателю, с другой.

---

¹ Наст. соч., введение, с. 27.

По ходу рассуждений источниковедческие поиски о Виталия все больше напоминают захватывающий детектив, где развязкой оказывается почти обезоруживающее, хотя и гипотетическое предъявление возможного составителя «Collectio Avellana».

О том, сколь тщательной и одновременно творческой была проработка источника, свидетельствует, казалось бы, совершенно побочный разбор упоминания о некоем Абундантии, епископе Траянопольском. О. Виталий не мог позволить себе пройти мимо очередной загадки, для чего с энтузиазмом археолога в совершенно постороннем для дела источнике — «Каноническом сборнике Фессалоникийской церкви» — «раскопал» дело Абундантия и епископа Лихнидского Стефана и затем выдвинул, пожалуй, единственную правдоподобную гипотезу о причинах расхождения в титуле первого из двух фигурантов. Проблема была в том, что в «Фессалоникийском сборнике» Абундантий фигурирует с титулом «Димитриадский», в то время как в «Авеллане» он назван «Траянопольским». О. Виталий смело, но убедительно предполагает, что составитель «Авелланы», будучи лицом, приближенным к папской канцелярии, мог быть хорошо осведомлен о результатах разбирательства — а речь там шла о произволе Константинопольского патриарха — в результате которого упомянутый епископ получил в качестве «утешительного приза» другую кафедру (т.е. Траянопольскую, на которую распространялась реальная юрисдикция папы), поскольку восстановить его на прежней не было никакой возможности. Автор гипотезы сам признает отсутствие подтверждающих фактов, но его предположение восстанавливает целостность источника и, неожиданно для читателя, а может быть, и для самого исследователя, приближает нас к личности пока еще таинственного составителя «Авелланы».

Придирчивый читатель мог бы с некоторым недоумением, а то и с раздражением спросить: неужели настолько важны такие подробности, и не стоило ли уже давно перейти к теме, заявленной в качестве основной, для раскрытия которой «Авеллана» привлекается как источник, уже практически исчерпывающе описанный теми же Гюнтером и Швартцем? В том-то и дело, что внимание к «несущественным деталям» позволило нашему автору оценить еще одно качество «Авелланы», а именно принцип ее составления, причину присутствия в ней очень разнородных по характеру и даже достоверности документов. Например, среди прочих материалов, включая редакторские пометки, в «Авеллану» включены подложные письма к Петру Гнафею. О. Виталий считает, что объяснить все это рационально можно, лишь предположив, что составитель и редактор «Collectio Avellana» намеревался в дальнейшем обрабатывать собранный материал с возможной целью его богословского и канонического анализа. И тогда возникает еще один, главный вопрос: кто мог стоять за этим собранием, будучи одновременно лицом, имеющим неограниченный доступ к документам папской канцелярии, знающим многие обстоятельства государственных и церковных не-

строений, близко знакомым с рядом знаковых фигурантов эпохи и при всем этом еще и оппозиционно настроенным в отношении политики Юстиниана и соглашательской позиции папы Вигилия? Ответ на него, хотя бы и предположительный, существенно прояснил бы соотношение сторон в растянutom «акакианском» конфликте, а также общую богословскую диспозицию в сфере христологической полемики, нередко переходившей, как известно, и в многоходовые интриги, и, увы, в открытые боестолкновения в буквальном смысле.

В итоге о. Виталий приходит к ряду интереснейших выводов как о характере сборника, так и о личности предполагаемого ее составителя и редактора. Так, он с полным основанием утверждает, что «Авеллана» не является сборником систематического характера, а ее составитель был преимущественно занят поиском новых документов. Следовательно, «это был собиратель, уже имевший большие запасы исторических документов перед работой над “Авелланой”, работавший над источниками долго и много». Кроме того, «Авеллана» не похожа на типичный сборник канонических и исторических документов, так как включает, в основном, документы уникальные, «дошедшие до нашего времени только в ней». Это наблюдение позволяет нашему автору оценить уже и намерение составителя, а именно, что цели сборника «не лежат в области практическо-административной деятельности римского престола или в сфере назидательно-благочестивого чтения широкой римской общественности».

Далее можно представить себе и церковно-административное положение автора, поскольку «Авеллана» содержит материалы, предполагающие особый доступ составителя к папской канцелярии: черновики, проекты, личные памятные записки пап, первичные, не посланные редакции папских писем и посланий. Естественно заключить, что «это было лицо весьма близкое к папе». Наконец, содержание документов позволяет установить хронологические рамки составления сборника — время понтификата папы Вигилия до 553 г. И здесь уже совершенно естественно подумать о том, кто бы это мог быть.

Последовательно сужая круг возможных редакторов Авелланы, о. Виталий останавливается на двух наиболее вероятных: папском апокрисиарии в Константинополе Пелагии и диаконе Рустике. Пелагий отвергнут на основании убедительного соотнесения достоверных фактов и одновременно известных его персональных качеств: «он отнюдь не историк-исследователь или богослов-догматист, а только лишь полемист легкого пошиба... всю аргументацию заимствует у Фульгенция Ферранда», к тому же «это вовсе не тип ученого подвижника, ревностного и трудолюбивого собирателя документального материала из архивов и рукописей, каким был редактор “Авелланы”»². Наконец, Пелагий угождал Константинополю, тогда как предпола-

---

² Наст. соч, ч. I, с. 54.

гаемое лицо было сторонником твердой линии. Столь свободное владение материалом и непринужденное обращение с ним тоже результат упомянутого погружения. В итоге нам, пожалуй, приходится принять простой и ясный вывод о. Виталия: «Остается Рустик».

Воистину творческий отчет о. Виталия на глазах читателя превращается в увлекательный детектив, в котором, последовательно распутывая клубок разнообразных обстоятельств, мелких и, на первый взгляд, незначительных деталей, исследователь предъявляет нам искомого незнакомца. Кажется, что уже одно это изящное расследование заслуживало бы отдельной самостоятельной публикации, которая, быть может, отчетливее показала бы величину таланта о. Виталия как прекрасного историографа и источниковеда. Однако это еще не окончание, а только кульминация, поскольку дальше мы узнаем о замечательном событии, а именно о заочной встрече нашего автора со своим великим предшественником, В.В. Болотовым.

Дело в том, что предположение о. Виталия о личности составителя «Авелланы» оказалось в русле открытия Болотова, который еще в 1880-е гг. успешно атрибутировал тому же Рустикю так называемый *Synodicon Lupi*. В.В. Болотов при этом установил, что составитель этого сборника был защитником трех глав и имел доступ к рукописям акимитов, а единственным таким человеком на Западе был Рустик, племянник Вигилия. То есть речь идет о том, что характерные черты убеждений и административного положения составителя *Synodicon Lupi* и «Collectio Avellana» совпадают.

О. Виталий и на этом не останавливается и, отталкиваясь от того, что *Synodicon Lupi* был только частью более обширного Рустикова Синодика — собрания деяний III и IV Вселенских соборов, — выдвигает еще одно предположение, способное объяснить причины появления «Авелланы». Ход размышлений таков: допустим, верно то, что ее составил Рустик, и очевидно при этом, что она включает множество документов неофициальных, а также тексты, которые даже документами в прямом смысле нельзя назвать. Далее необходимо учесть церковную и богословскую позицию Рустика, резко расходившуюся с политикой его дяди, папы Вигилия, причем Рустик не просто выражал несогласие, а выступал деятельным оппонентом папе, активно работая над всевозможными опровержениями позиции Константинополя середины VI в. и разрабатывая аргументацию в пользу трех глав и их сторонников. «Не естественно ли предположить, — пишет о. Виталий, — что Рустик имел в виду обработать и акты послехалкидонского времени как связующее звено и перспективную для защитников трех глав и обличительную для Вигилия и Юстиниана предысторию?»³.

Пусть читатель судит о степени аргументированности и, соответственно, гипотетичности этого предположения. Нам оно кажется захватывающе правдоподобным хотя бы потому, что способно увязать разрозненные со-

---

³ Наст. соч., ч. I, с. 57.

брания документов сходной направленности, но при этом разного характера в единую сумму, подчиненную объединяющему намерению. Без личности Рустика «Collectio Avellana», например, остается неупорядоченным набором бумаг с неясной мотивировкой для ее возможного собирателя.

Мы позволим себе еще приложить к великолепному «творческому отчету» о. Виталия одно, скорее эмоциональное предположение. Думается, что его предшественник и, безусловно, заочный наставник Василий Васильевич Болотов горячо приветствовал бы столь яркие результаты еще одного своего бесспорного наследника и продолжателя.

Остается только восхищаться скромностью автора, который сожалеет, что анализ «Авелланы» пришлось изрядно сократить, удовольствовавшись только передачей общего содержания документов, а «от историко-сравнительного анализа данных, их критического разбора, указаний основания для их датировки, от изложения разногласий, возникавших по их поводу в исторической литературе и от соблазна дать полный подстрочный критический аппарат к каждому документу этого источника пришлось отказаться»⁴. Увы, теперь сожалеть приходится нам, и уже о том, что эти намерения никогда реализованы не были.

В презентации собственно исторической части сочинения о. Виталия, т.е. второго автономного раздела его монографии, мы хотели бы, избегая сколько-нибудь подробного пересказа, лишь остановиться на наиболее показательных особенностях текста, обращая тем самым внимание на общий подход автора к анализу материала. Так, мы хотели бы отметить, что в этой части своей работы о. Виталий остается так же глубоко погружен в гущу событий, возможно, подчас даже слишком увлекаясь пересказом фактов. Впрочем, это же наблюдение можно обратить и в сильную сторону исследования, поскольку оно может означать, что автор не хочет упустить ничего, ни одного штриха, чтобы полученная картина событий, включая мотивы и скрытые их пружины, была максимально полной. Памятуя дотошность, выказанную о. Виталием при описании и анализе основного источника, которая позволила ему выдвинуть ряд многообещающих гипотез, не будем удивляться, наблюдая его аналогичное качество и здесь.

Разумеется, уже двойственность наших собственных допущений относительно метода и манеры изложения и анализа материала сама по себе означает, что восприятие научной стилистики работы, скорее всего, будет неоднозначным. Одни после знакомства с о. Виталием — историографом и источниковедом будут ожидать большей аналитичности в оценке исторических событий, другие — ярких, но малоизвестных фактов и новых гипотез. С нашей точки зрения, более оправданными окажутся ожидания второго типа, нежели первого.

---

⁴ Наст. соч., ч. IV, с. 290.

Во-первых, стоит остановиться на истории с 28-м правилом Халкидонского собора, т. е. на попытке Льва I дезавуировать оное. О. Виталий, тщательно разбирая фактическую сторону интриги, специально останавливается на документации, в особенности на примирительном письме Льва Великого патриарху Анатолию в ответ на предшествовавшее ему послание последнего папе римскому, поскольку именно эта переписка послужила основанием для известного заключения Гергенретера об одержанной Римским престолом полной победе. О. Виталий с известной уже нам редкостной способностью вчитываться в текст и подтекст документов быстро обнаруживает, что утверждение Гергенретера, фактически поддержанное Гефеле, основано на букве папского письма, но совершенно игнорирует текст патриарха Анатолия. Если же, как справедливо предлагает о. Виталий, сопоставить оба послания, то получится, что Лев I только интерпретирует позицию Анатолия как капитуляцию, поскольку текстуальных оснований для этого нет никаких. Вполне адекватной звучит оценка о. Виталием письма папы как попытки сохранить лицо в условиях неизбежного для него поражения в истории с 28-м правилом.

О. Виталий, уверенный в обоснованности своего заключения, отваживается даже на реконструкцию хода мыслей Льва, который, как представляется историку, «отлично в душе понимал и сознавал, что примирение, наступившее после его переписки с Анатолием в апреле-мае 454 г., полно всяких недомолвок и неискренне, так как одна сторона твердо держалась за 28-е правило и в дальнейшем, а другая сторона так же упорно не признавала его»⁵. Можно вполне согласиться и с трактовкой мотивов политики Рима в отношении 28-го правила, а именно, что и Львом и его преемниками руководил страх утраты традиционного первенства в связи с меняющимися на глазах и формальным положением, и фактическим весом Рима. Другое дело, был ли у Льва один лишь этот политический квазиимперский мотив, или им могли руководить более позитивные цели, например, соображения, связанные с консолидацией сил империи для защиты Рима, перманентно оказывавшегося под угрозой разрушительных нашествий. Так или иначе, но очевидно, что все противостояние, связанное с толкованием 28-го правила и практикой его применения, находится в плоскости политической.

Так, на следующем этапе развития сюжета, где главная интрига — вновь активизировавшаяся борьба за первенство и способы его выражения, мы наблюдаем явно усилившееся давление императора и Константинопольского патриарха на папу Симплиция, когда последний практически в безвыходном положении после известного указа Зинона, гарантировавшего константинопольской кафедре «на вечные времена ее права и привилегии», вынужден признать дотоле неслыханное: поставление Константинопольским первоиерархом патриарха в Антиохию. Симплицию пришлось обойтись лишь ого-

---

⁵ Наст. соч., ч. II, с. 116.

воркой, что этот «неканонический случай ни под каким видом не должен послужить прецедентом на будущее». Тут о. Виталий характеризует свершившееся событие как величайший триумф Константинопольской кафедры, одновременно замечая, что патриарх Константинопольский в стремлении восстановить попранные узурпатором Василиском права в пределах юрисдикции, предусмотренной 28-м правилом, вышел далеко за эти пределы, «поставляя уже не митрополитов в диоцезы, а патриарха для Антиохии».

О. Виталий справедливо замечает, что «такое возвышение Константинополья толкало папство на крайности в их борьбе со столичным епископом и сильно способствовало их решимости идти на разрыв с Востоком, на создание “схизмы”». Иначе говоря, триумф при такой общей оценке его последствий не выглядит однозначным, но тогда, вероятно, эта часть истории требует дальнейших рассуждений, изучения, реконструкции и оценки всех заслуживающих внимания мотивов вовлеченных сторон. Так, нам, благодаря очень ясной логике и скрупулезному учету автором исторических обстоятельств, все очевиднее становится, что все активные участники описываемых событий и понимают конкретное 28-е правило, и в целом трактуют вопрос первенства «не в смысле только чести, но и некоторой власти», как это явствует из цитируемых о. Виталием слов Феликса III (преемника Симплиция) к патриарху Акакию: «Я не знаю, каким образом (почему) ты возымел приязнание (объявил себя) быть главой всей церкви»⁶.

С другой стороны, несколько отвлекаясь от текста, мы получаем известные основания поставить существенный методологический вопрос: насколько оправданным видится 28-е правило с сугубо церковных позиций, если канонический статус архиепископа Константинопольского претерпевает существенные изменения как в виде расширения юрисдикции, так и в иерархии «первенства по чести», если это первенство традиционно покоилось на таких основаниях, как апостольское происхождение кафедр и численность христиан города. Разумеется, оба эти свойства не в последнюю очередь возникали в связи с особым политическим статусом Рима, Александрии и Антиохии, но внутри церкви этот фактор расценивался как сопутствующий, но совсем не как определяющий.

Понятно, что в середине V в. все противостояние вокруг 28-го правила носит сугубо политический характер и представляет собой борьбу за особое формальное положение в империи, но ровно эта очевидность, столь отчетливо продемонстрированная о. Виталием, кажется, заставляет задаваться уже не столько политическими, сколько сугубо эклизиологическими вопросами. Поневолле вспоминается упомянутая нами в самом начале особенность как событийной истории Восточной Римской империи, так и научной византистики, где факты и их интерпретации всегда обнаруживают тесное переплетение внешне разнородных вещей: суммы историче-

---

⁶ Наст. соч., ч. III, с. 198.

ских обстоятельств и весьма отвлеченного от них по природе своей церковного богословия.

О. Виталий практически не затрагивает глубинной церковно-богословской подоплеки вопроса о 28-м правиле, но, детально презентуя и саму его историю, и менее очевидные, преимущественно политические мотивы и цели сторон конфликта, словно бы провоцирует обостренный интерес к проблематике уже экклезиологического характера. Наверное, тут можно было бы сказать, что эта последняя почти неизбежно возвращает нас к возможной переоценке позиций сторон, тем более, что в целом текст о. Виталия дает основания подозревать, что его личные симпатии, при всей необходимой научной беспристрастности, весьма заметны, и они принадлежат отнюдь не тем, кто занимает Римскую кафедру.

Например, о. Виталий соглашается с Захарией Ритором в том, что после Зинововского Энотикона было фактически достигнуто полное единство важнейших восточных кафедр с Константинополем, включая Ефес, Иерусалим, Александрию и Антиохию. Дальше констатируется, что «это было согласие без Рима и даже вопреки Риму, а он никак не мог допустить объединения всей Восточной церкви вокруг Константинополя и под его руководством», поскольку очевидно, что «такое объединение вокруг его соперника таило в себе смертельную угрозу для первенства римской кафедры. Рим это хорошо понял и пошел в бой»⁷. Таким образом, воинственное настроение Рима в ближайшем будущем выглядит и логично, и до некоторой степени оправданно, поскольку единство восточных кафедр ставит его в изоляцию и оборачивается уже отмеченной выше угрозой. Разумеется, тут уместно добавить и фантомные переживания прежнего величия, и неизбежную идеологизацию конфликта. Но как можно было бы представить себе упомянутый бой, в который едва ли не обреченно ринется Рим?

Весь сюжет, как нам давно уже ясно, с сильнейшим политическим подтекстом. Единство имперского Востока утверждено на фундаменте императорских гарантий. Если следует хотя бы с толикой понимания отнести к намерению Рима, которые к тому же в свете зинововского Энотикона и триумфа Акакия выглядят как защитная реакция, то где Риму искать возможности для контрнаступления? Как-то естественно, с учетом обстоятельств, складывающихся на Западе (низложение Ромула Августа и правление Одоакра с титулом патриция формально от имени императора), ожидать того, что сам о. Виталий назовет «союзом германизма и папства». Но далее он не преминет заметить, что его «острие было всегда направлено против православного Востока», и что его даже «можно проследить в ходе истории на протяжении полуторы тысячи лет, вплоть до наших дней». Кажется, с учетом обсуждаемой темы, что последнее утверждение выглядит слишком сильным, не очень уместным и, возможно, несколько идеологичным. Так, быть мо-

---

⁷ Наст. соч., ч. III, с. 216.

жет, более справедливо было бы сказать про пресловутое острие, что оно направлено по крайней мере против имперского Востока, тем более, что в пятом веке Восток часто бывал и не очень православным. Но надо сказать, что в пределах вышеприведенного оборота слова о. Виталия — «на фоне этого союза и развертывалась “акакианская схизма”» — приобретают большую внушительность.

Еще один показательный пример связан с папой Геласием, Последний, еще в бытность папским секретарем в сане диакона, был фактическим автором послания Феликса III Акакию, в котором была впервые сформулирована и затем развита известная теория двух властей, согласно которой примат принадлежит власти духовной над светской. Об этой доктрине о. Виталий говорит очень резко: «мы присутствуем при зарождении тех теократических идей средневекового папства, попытки осуществления которых в борьбе пап с императорами стоили человечеству потоков невинно пролитой крови». С одной стороны, здесь возразить нечему, поскольку многовековая борьба за первенство между Римом и европейскими коронами часто оборачивалась кровопролитием, но едва ли этот безусловный факт был единственным сюжетом и тем более следствием упомянутого длительного противостояния. В конце концов, и при характеристике общей направленности и конечных целей патриархов и императоров Востока о. Виталий справедливо будет говорить о доминировании властных интересов и, следовательно, фактора политического, однако эти констатации могут и сопровождаться отсылками к явно неприглядным деяниям или тоже кровавым последствиям. Чего стоят, например, перманентные побоища в Александрии.

Быть может, здесь уместно затронуть тему зависимости самого исследователя от своего исторического контекста. Трудно не заметить более резкие оценки преимущественно папских шагов и их мотивов, продиктованные позицией автора, что невольно наводит нас на мысль о его конфессионалистских предпочтениях. В частности, аттестация союза германского мира с папством сегодня может производить впечатление идеологемы. Но тут правильно было бы вспомнить о времени написания этого текста, а это было еще до II Ватиканского собора, т.е. когда еще не появилось никаких примирительных ноток во взаимоотношениях церковного Запада в отношении Востока, еще не прозвучало не лишнее экклезиологической двусмысленности, но все же очевидно дружественное выражение «церковь-сестра». Первенство чести продолжало комментироваться почти исключительно в смысле притязаний на верховенство власти, а православным церквам все еще отказывалось в полноценности. А поскольку Восточная Римская империя уже давно сошла с исторической арены и вместе с этим исчезли все возможные встречные амбиции Константинополя, то на современном о. Виталию историческом фоне сохранившиеся идеологические излишества Рима стали выделяться особенно резко. Может быть, поэтому и аналогичные притязания «Рима» далекого прошлого оцениваются автором достаточно строго.

Усилия императоров в целом о. Виталий квалифицирует как стремление упрочить «единство церкви на основе Халкидонского собора», а их конкретные политические шаги рассматриваются в рамках этой общей установки. Так, например, на всей политике Зинона, включая издание Энотикона, лежит «печать раздвоенности, зигзагообразности и принципиальной неясности»⁸. Но все, что может быть охарактеризовано как отступление от общей линии предшественников, Маркиана и Льва, квалифицируется как «результат приспособляемости имперской церковной политики их времени к реально сложившимся внешним и внутренним политическим обстоятельствам»⁹. Неясно при этом, составляет эта приспособляемость сильную сторону умело маневрирующего императора, или же она выражает излишнюю его склонность к компромиссам. Отметим, что Энотикон, с точки зрения о. Виталия, оказался скорее оправданным шагом, хотя бы как средство умиротворения сторон, использованное, помимо обострившегося христологического вероучительного конфликта, еще и в условиях достигшей предельного накала борьбы за трон.

Выбор между предлагаемыми оценками, возможно, был бы облегчен рассуждениями о мотивах отстаивания императорами «единства церкви». Например, стоит ли нам иметь в виду особую заботу власти о чистоте вероучения самой по себе, или же это несколько странное для правителя попечение следует рассматривать как средство укрепления единства империи? Первый вариант очень наглядно разоблачен о. Виталием в самом начале собственно исторической части работы, когда разбирается позиция инициатора Халкидона, императора Маркиана, относительно значения и статуса деяний этого собора: «Кто, после найденной истины, доискивается чего-нибудь дальше, тот ищет лжи... Все должны соблюдать определенное святым халкидонским собором, ни в чем затем не сомневаясь». По словам нашего автора, «дальнейшая история показала всю тщету и наивность этого добросовестного императорского заблуждения»¹⁰. Ситуация, надо сказать, к середине V в. уже типичная: когда истина вероучения обеспечивается имперским законодательством, почему-то естественнее всего ожидать смуты.

Если же вера церкви трактуется властью сугубо прагматически, т.е. как конвенция, призванная обеспечить согласие по договору, то разве не возникнет парадокс, когда содержание веры релятивизируется настолько, что, в сущности, теряются основания для того, чтобы считать такую конвенцию предметом веры? Как ни странно, но в обоих случаях мы будем иметь разновидность идеологии, с той лишь разницей, что в первом ей постараются придать характер чего-то незыблемого, а во втором — слишком гибкого. Но и при втором варианте, как показывает та же история, вероучительные

---

⁸ Наст. соч., ч. III, с. 236.

⁹ Там же.

¹⁰ Наст. соч., ч. II, с. 100.

конвенции, заключенные из прагматических соображений, почти так же нежизнеспособны, как «неподвижные». Если эти наблюдения верны, то не будет ли приспособляемость императоров выглядеть не очень дальновидной политикой, какими бы мотивами она ни диктовалась?

Подробно и обстоятельно представленная о. Виталием картина заставляет задаться, правда, и еще одним вопросом: а не стала ли имперская власть уже давно заложницей той знаменитой инициативы, когда она постаралась инкорпорировать церковь в качестве своей специальной институции, и тогда не сделались ли все действующие лица событий V–VI вв. заложниками этого замысла, казавшегося в свое время столь грандиозным? Если да, то стоило бы, вероятно, деяния всех вовлеченных сторон и субъектов расценивать еще и в этом более общем контексте. Интрига усиливающегося противостояния Рима и Константинополя окажется тогда производной от этого глобального исторического сюжета, поскольку в заданном режиме взаимопроникновения власти имперской и власти священной каждый едва ли не обречен укреплять собственное положение за счет других.

Так, если папа Лев I поставлен перед фактом, что уже давно, в течение нескольких десятилетий, как об этом обстоятельно свидетельствует о. Виталий, епископы ефесские, многие митрополиты асийского и понтийского диоцезов вопреки привычной Льву юрисдикционной традиции поставлены Константинопольским архиепископом, и эта практика имеет к моменту созыва Халкидонского собора 60–70-летнюю давность, то что остается папе? Он, будучи поставлен перед столь расходящимся с традицией фактом, причем очевидно кем именно — властью, покровительствующей предстоятелю новой столичной кафедры, — оказывается перед неприятным, почти уничижительным выбором: молча проглотить или поставить вопрос о пересмотре сложившейся ситуации. Но когда одновременно оказывается, что даже этого выбора у Льва нет, а он, как и все церковные иерархи и клирики, вынужден только считаться с властью императора Востока как с единственной реальной силой, то естественным выглядит намерение любой ценой восстановить утраченную было значимость собственной кафедры, тем более что епископ Рима постепенно и вряд ли по собственному желанию постепенно превращался в авторитетного вождя обитателей города, вынужденного печься о его все более драматической судьбе. И если в аналогичной ситуации Симплиций, Феликс и Геласий будут формировать «союз папства и германского мира», то мотивы и этих в целом враждебных Востоку шагов выглядят по-своему ожидаемыми и логичными. Тем более, что, следуя дальше за текстом сочинения о. Виталия, мы еще вместе с автором переживаем историю с формулой Гормисды, а также с общим итогом всей череды событий, привязанных к «акакианской схизме».

Известно, что папе Гормисде удалось добиться подписания от Константинопольского патриарха совместного исповедания, которое, по мнению о. Виталия, выглядит полной капитуляцией Константинополя перед Римом

(ср. мнение В.В. Болотова об этом акте как об «омерзительной церемонии»). Если ориентироваться на букву формулы, которая предполагает фактическую реабилитацию первенства Римской кафедры и обязательство анафематствования всех, кто его оспаривал в недавнем прошлом, включая патриарха Акакия, то это событие трудно оценить иначе. Но интереснее другое, а именно, как о. Виталий объясняет причины столь неожиданно поразительного шага. Он убеждает нас в том, что это был пусть внешне вопиющий, но частный эпизод в общей политической линии империи. Более того, оказывается, что Юстиниан, скорый преемник Юстина на троне, при котором совершилось подписание формулы Гормисды, уже тогда вынашивал грандиозные планы. О. Виталий уверенно полагает, что это были планы «восстановления Римской империи в прежнем ее объеме, планы завоевания Запада и ликвидации образовавшихся там германских варварских государств... А для этого первым и необходимым условием было восстановление церковного единства с Западом, которое, согласно воззрениям того времени, неизбежно постулировало и государственное объединение западных областей с империей»¹¹. Таким образом, вся история с подписанием формулы Гормисды выглядит как тактическое отступление под давлением скоропреходящих обстоятельств, укладывающееся в общую стратегию инкорпорации всего христианского Запада в Византийскую империю. Как известно, Юстиниану это удалось, и новое имперское единство строилось уже под знаком оформившейся к тому времени идеологии симфонии двух властей, священства и царства.

Упомянутая идея Геласия надолго уходит в тень, однако важно, что развязка истории вокруг акакианской схизмы достаточно красноречиво свидетельствует: перед нами развернута панорама сложного политико-идеологического противостояния, в котором используемый арсенал средств едва ли вяжется с тем, что вся эта борьба ведется «в контексте» истории христианской церкви. Здесь, скорее, просматривается изнурительная борьба за доминирование той или другой власти с весьма бесцеремонным отъемом полномочий и территорий влияния, причем фактор веры здесь преимущественно представлен как способ идеологического обеспечения конфронтации. Если так, то не будет большой натяжкой считать, что формулы Геласия и Юстиниана, по-разному трактующие соотношение духовной и светской власти, друг друга стоят.

Ведомые стремительной мыслью автора, мы, не заметив того, оказались столь захвачены событиями, что, покорившись нашему проводнику по миру далекого прошлого, невольно ввязались в интригу так, что повели собственную линию размышлений. Этим временным «растворением» в толще истории мы безусловно обязаны автору, властно развернувшему нас лицом к историческому полотну, набросанному им точными и яркими

---

¹¹ Наст. соч., ч. IV, с. 288.

мазками, с немалым дарованием рассказчика и педантичностью ученого. Что же, возможно, высшей похвалой исследователю служит его способность так вовлечь заинтересованного читателя в мир своих наблюдений и интерпретаций, что последний может всерьез понадеяться все домыслить и прояснить даже «за автора». Ведь миссия историка, как это все чаще слышится сегодня, вряд ли может состоять в том, чтобы устранять из прошлого его проблематичность. Его дело скорее в том, чтобы заставить звучать минувшее в настоящем, причем как можно отчетливее. Тогда современники получают счастливую возможность проживать историю заново, чувствуя себя ее продолжателями. Неудивительно, что чаще всего такое резонирование прошлого в сегодняшнем дне сопровождается, помимо внимательного всматривания, еще и непрекращающейся переоценкой последствий и смысла возвращающихся к нам событий.

Мы уверены, что более шестидесяти лет назад протопресвитер Виталий Боровой совершил усилие, вызывающее своим итогом неподдельное ощущение, что мы имеем дело с замечательным историком, способным заставить зазвучать голос прошлого исключительно ясно и призывно, как это мало кому удастся. И это, конечно, не может не вызывать глубокой благодарности автору, скромному в жизни, но настоящему мастеру своего дела.

*Давид Гззян,
магистр богословия, профессор,
заведующий кафедрой богословских дисциплин
и литургики Свято-Филаретовского
православно-христианского института (Москва)*

ВВЕДЕНИЕ

Тема настоящего сочинения, несмотря на несколько академический характер ее формулировки¹, не является сама по себе чем-то отвлеченным и не имеющим отношения к современности, к настоящей жизни. При всей кажущейся «архивности» (в смысле нудного и ненужного никому «копания» в исторических деталях давно и безвозвратно канувшего прошлого) тема эта по-своему глубоко актуальна и животрепещуща и для нашего времени². Ежегодно выходят тысячи очень ценных исследований, монографий, курсов, журнальных статей и публикации исторических источников по истории Византии. В этом направлении дружно и плодотворно работают византинисты и церковные историки всего мира. Усиленно разрабатываются византиноведческие проблемы и нашей отечественной, советской исторической наукой. Из общего круга исторических проблем византологии наибольшее внимание привлекают благодаря их принципиальной важности и сравнительно малой еще разработанности проблемы падения Византийской империи (эпоха Палеологов) и проблемы перехода от позднеримской к собственно византийской империи (период IV–V вв. — до Юстиниана Великого, так наз. эпоха поздней империи).

Исторические проблемы этой эпохи усиленно дебатуются у нас на страницах «Вестника древней истории» и «Византийского временника». Особое внимание при этом уделяется выяснению истинных мотивов и движущих пружин в церковной политике позднеримских (начиная с Константина Великого) и византийских императоров. Заново ставится и пересматривается вопрос об отношениях церкви и государства в Византии и об истоках пресловутого византийского «цезарепапизма», причем ревизия прежних исторических концепций идет в настоящее время в сторону постепенного освобождения от усиленно раздуваемых раньше на Западе обвинений их и всей Восточной церкви в сервизме и цезарепапизме³.

К числу наименее разработанных и наиболее интересных проблем позднеримской и ранневизантийской империи принадлежат церковные события от Халкидонского собора до времени Юстиниана В. (от 451 г. до 527 г.). Один из аспектов этих событий и имеет в виду тема настоящей

---

¹ Оригинальное название работы: «Церковная политика византийских императоров в связи с так называемой «акакианской схизмой». — *Ред.*

² Автор имеет в виду середину XX в. — *Ред.*

³ L. Brehier, *Les institutions de l'empire Byzantine*, P., 1949, стр. 431–439.

го сочинения. Как-то так повелось, что в курсах церковной истории очень подробно излагаются (иногда вплоть до мельчайших перипетий) события, связанные с борьбой Церкви с арианством и несторианством. Что же касается наиболее массовой и важной по своим последствиям ереси — монофизитства, то подробно излагается только его начальная стадия, включая Халкидонский собор. Дальше вскользь и в общих чертах говорится о борьбе с монофизитством после Халкидонского собора и сразу делается скачок на правление Юстиниана (527–565). История отдельных восточных патриархатов тоже систематически излагается только до Халкидонского собора (хотя это ведь только начало патриархатов в собственном смысле этого слова), а дальше в истории Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церкви следует провал вплоть до монофелитства и VI Вселенского собора. Это объясняется отчасти тем обстоятельством, что с момента возобладания в них монофизитства история их теряет известную долю своей значимости и интереса в общей системе истории католическо-православной церкви, но еще более это объясняется малой разработанностью этого времени и трудностью и малодоступностью исторических источников этого периода.

Центральным событием этого времени является так наз. «акакианская схизма». В русской исторической литературе нет ни одной монографии, ни одной статьи, посвященных исследованию этой проблемы. Нет до сих пор цельной монографии об этом и в западной литературе. Однако там имеется много исследований и статей, выясняющих отдельные стороны церковных событий времен «акакианской схизмы», и опубликованы основные исторические документы и источники по истории «схизмы». Западные исследователи освещают все вопросы, связанные со «схизмой», со своей точки зрения, с позиций западного геоцентризма, часто игнорируя восточные аспекты этой проблемы. Протестанты говорят о Православной Восточной церкви как о «Reichkirche», постулируя этим полное превращение ее в инструмент государственной политики⁴, а католики останавливаются только на трех моментах этой эпохи: Энотикон Зинона (482 г.), низложение и анафематствование Феликсом III Акакия (484 г.) и подписание Иоанном Каппадокийцем «формулы Гормисды» (519 г.), и с этими документами в руках кричат о «супремации» папы на Востоке, о римской кафедре как верховной блюстительнице чистоты догматического учения церкви, о небывалом триумфе папства над империей и константинопольским патриархом при конце «акакианской схизмы», о признании Востоком папского главенства и о блистательном подтверждении права наместника Петрова «судить и низлагать всех патриархов и епископов во всем мире, тогда как *“rara a nemine indicatur”*». С формальной стороны эти выхваченные католиками из общего контекста истории документы говорят, по-ви-

---

⁴ F. Heiler, *Urkirche und Ostkirche*, München, 1937, стр. 128–130.

димому, в их пользу. И только тогда эти документы теряют весь придаваемый им католиками (*пре*)тенциозный смысл, когда их рассматривают не изолированно, не самих по себе, а вставляют в контекст исторических событий, когда их рассматривают на фоне и во взаимосвязи со всеми церковными и политическими фактами того времени. Тогда выясняется, что «акакианская схизма» ничего общего с догматическим развитием Церкви и с чистотой ее догматов не имеет, а является исключительно продуктом церковно-политической деятельности византийских императоров на путях поисков способа воссоединения монофизитов с церковью, с одной стороны, и продуктом борьбы папства с возвышением константинопольского патриархата — с другой стороны. И окончилась «акакианская схизма» в конечном счете не победой папства над империей и патриархом, а, наоборот, постепенным вовлечением самого папства в орбиту имперской политики, вхождением папства в сферу влияния византийского двора, с последующим низведением пап до роли политических орудий при отвоевании Юстинианом Западных областей империи.

Таким образом, «акакианскую схизму» следует рассматривать не в аспекте чисто церковной борьбы пап с константинопольскими патриархами и императорами за чистоту веры и незыблемость церковных канонов, как рассматривают ее католики, а исключительно в аспекте церковной политики византийских императоров на фоне борьбы Рима и Константинополя за первенство на Востоке и усилий византийского правительства добиться религиозного единства империи с помощью разных попыток достичь компромисса с монофизитами и воссоединить их с Церковью.

При рассмотрении темы в таком именно аспекте теряют всякий смысл попытки католиков подвести догматический фундамент под борьбу пап с Константинополем во время «акакианской схизмы» и обосновать событиями конца «схизмы» (518–519) «супремацию» пап на Востоке и мнимое признание этого главенства самим Востоком.

Одновременно при этом обнажаются и те неблагоприятные приемы и методы борьбы, которыми пользовались папы для достижения своих целей, когда прибегали и к подлогам (Симмах), и к политическим союзам с внешними врагами империи (Феодорих Великий и германцы) и с ее внутренними врагами (Виталиан), стараясь извлечь выгоду из любого затруднения империи, не брезгуя идти с «еретиками»-арианами против православного императора, не гнушаясь помогать «варварам»-германцам против Римской империи и при этом объявляя себя ревнителями чистоты веры и наследниками великодержавного Рима.

Это лишний раз подтверждает, что, несмотря на эволюцию форм и разнообразие тактики в зависимости от потребности применяться к различным историческим эпохам, папство верно себе и так же действует для достижения своих целей в настоящее время, как оно действовало во времена «акакианской схизмы».

Вышеуказанные соображения, мне думается, оправдывают и самую постановку данной темы, и ее формулировку, и актуальность ее разработки, и современную приложимость ее выводов, что в своей совокупности дает право настоящему сочинению на существование.

Из вышеуказанной темы сочинения вытекает и его план.

Так как исторические источники данной эпохи сравнительно еще мало изучены и некоторые из них еще недавно только опубликованы, причем ничего из этого нет на русском языке и пришлось потратить немало времени на их изучение, то мне казалось целесообразным в порядке как бы некоторого творческого отчета в качестве I части сочинения дать «Историко-литературную характеристику источников и историографии «акакианской схизмы»». А так как в процессе работы над главным, основным источником этого времени «Collectio Avellana» мне удалось, по-видимому, идентифицировать неизвестную до сих пор в науке личность составителя, редактора этого «Сборника», то я и попытаюсь дать в этой части посильное обоснование своему предположению. Выяснение исторических предпосылок и генезиса «акакианской схизмы» потребует рассмотрения церковной политики имп. Маркиана и Льва I, что и будет дано во II части настоящего сочинения. III часть посвящена изучению возникновения и развития «акакианской схизмы» в результате униональной политики имп. Зинона. И, наконец, IV часть будет посвящена изложению церковной политики имп. Анастасия и халкидонской реакции при Юстине, что знаменует собою конец «акакианской схизмы».

В кратком заключении будут даны общие замечания и основные тезисы данного сочинения.

Часть I

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИЯ «АКАКИАНСКОЙ СХИЗМЫ»

Глава 1 ИСТОЧНИКИ

А. Главные (специальные) источники

Главными (специальными) источниками по истории византийской церковной политики в связи с так наз. «акакианской схизмой» являются два объемистых тома церковно-исторических документов этой эпохи, известных под именем «*Collectio Avellana*» и изданных в 1895–1898 гг. берлинским профессором Отто Гюнтером в Венском *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum* (т. 35, ч. I и II), и изданные в 1934 г. проф. Эдуардом Швартцем в Трудах Баварской академии наук документы веронских и берлинских рукописных сборников, относящихся к «акакианской схизме», под названием «*Publizistische Sammlungen zum Acasianischen Schisma*».

Оба этих издания (О. Гюнтера и Э. Швартца), дополняя и иногда дублируя друг друга, заключают в себе богатейший документальный материал для истории взаимоотношений Рима и Византии в период «Акакианской схизмы» и являются основным, главным источником по этому вопросу.

1. *Collectio Avellana*

Collectio Avellana представляет собой собрание свыше 240 документов, в основном писем и посланий пап и императоров с 367 г. по 553 г. Это собрание проливает яркий и обильный свет на взаимоотношения Запада и Востока в интересующую нас эпоху. Самый ранний документ собрания — ре-

скрипт имп. Валентиниана I от 367 г.; самый поздний — конститутом папы Вигилия от 14 мая 553 г.

а) История названия и описаний сборника

Впервые описали это рукописное собрание документов братья Баллерини (Петр и Иероним), знаменитые итальянские ученые XVIII в., горячие поклонники папского главенства, издавшие в 1757 г. в 3-х томах *Творения* папы Льва V.¹ В III томе этого издания братья Баллерини поместили свое капитальное каноническое исследование «Трактат о древних сборниках и собирателях канонов, как изданных, так и неизданных»², во II части которого в гл. XII содержится описание нескольких рукописей этого сборника³. Баллерини первые и присвоили этому сборнику название *Collectio Avellana*. По одной ватиканской рукописи (*Codex Vatic.* 4961), которую Баллерини считали древнейшей и основной для этого сборника, на последней (109) странице иной рукой (не рукой переписчика всей рукописи) дописано: «Эта книга принадлежит монастырю св. Креста на Авелланском Источнике, Евгубинской епархии»⁴.

Этот монастырь находился в Северной Италии (Умбрия). Пометка ниже гласила: «Книгу эту приобрел господин Дамиан Св. +»⁵. Петр Дамиан, знаменитый средневековый католический учитель и святой, был аббатом монастыря *Fonte Avellana* в 1043–1058 гг., когда папа Стефан X сделал его епископом Остни и кардиналом⁶.

Рукопись эта в XVI в. попала в Ватиканское книгохранилище, о чем имеется отметка на I странице кодекса: «Куплена из книг кардинала Сирлети»⁷.

Такое происхождение рукописи, которой пользовались Баллерини, дало им основание весь сборник назвать «*Collectio Avellana*».

Следующее после Баллерини описание «*Collectionis Avellanae*» находим у Фридриха Маассена, известного австрийского канониста XIX в. (1825–1900), тоже горячего католика, профессора канонического права в университетах Инсбрука, Граца и Вены. В своем солидном труде «История источников и литературы канонического права, т. I» (1870)⁸, а потом в «Докладах Фил.-Ист. Отделения Венской Академии Наук»⁹ Маассен дал краткое опи-

---

¹ Sancti Leonis Magni, Romani pontificis opera, I–III, Venetiis, 1757.

² De antiquis tum editis tum ineditis collectionibus et collectoribus canonum; Appendix ad S. Leonis opera, t. III.

³ Appendix ad S. Leonis opera — De antiquis collect. canonum, II, cap.12, p. CLVIII и след.

⁴ "Iste liber est monasterii sanctae Crucis tontis Avellanae Eughubin(e) dioc(esis)", Ballerini, ук. соч., стр. CLIX.

⁵ "Hunc liber acquisivit domn. Damianus S. +", Ballerini, там же, стр. CLIX.

⁶ Фр. Кс. Функ, История Христианской Церкви, пер. П. В. Гидулянова, М., 1911, стр. 233.

⁷ Сирлети был кардиналом во второй половине XVI в. ФУНК, ук. соч., стр. 469.

⁸ Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abendlande bis zum Anlange des Mittelalters, von dr. Friedrich Maassen. I Band, Gratz, 1870, стр 787–792.

⁹ Über eine Sammlung Gregor's I von Schreiben und Verordnungen der Kaiser und Päpste, в "Sitzu-

сание и первый опыт классификации документов «Авелланского сборника» (всего на 5 страницах).

Выводы Маассена пересмотрели и частично опровергли в своих статьях юрист, член «Общества Карла Савиньи» Павел Эвальд¹⁰ и геттингенский филолог Вильгельм Мейер¹¹.

И, наконец, свои соображения и замечания о составе, источниках и хронологии рукописного наследства «Авелланского Сборника» в конце XIX в. изложил последний издатель «Сборника» профессор классической (латинской) филологии Геттингенского, а потом Берлинского университетов Отто Гюнтер — в статьях «К хронологии писем папы Гормисды»¹², «Рукописное наследство “Собрания по монофизитским делам”»¹³, «Относительно “Gesta de nomine Acacii”»¹⁴, «Авелланские этюды»¹⁵ и, наконец, в латинском предисловии (*Prolegomena*) к изданию «Collectionis Avellanae»¹⁶.

В этих исследованиях О. Гюнтер поставил — и частично решил, частично наметил — целый ряд вопросов, связанных с историей, составом и содержанием «Collectionis Avellanae».

Последующие времена не прибавили к выводам О. Гюнтера ничего нового, и проф. Э. Шварц, издавая в 1934 г. веронское и берлинское собрания рукописей по делам «Акакианской схизмы», работу Гюнтера считал отвечающей самым высоким научным требованиям¹⁷.

б) Издания «Collectionis Avellanae»

Что же касается изданий рукописного богатства «Авелланского сборника», то отдельные документы частично были издаваемы, начиная с 1591 г., когда кардинал Антоний Карафа издал часть «авелланских» документов среди своих «Писем-декреталий верховных первосвященников, т. I»¹⁸.

Бароний в своих «Анналах»¹⁹ использовал и издал много папских писем и посланий. Документы, изданные Карафой, перепечатали в своих изданиях

---

ngsberichte der phil.-hist. Classe der Kais. Academie der Wissenschaften zu Wien”, Bd. LXXXV, 1877, стр. 227–239.

¹⁰ Sybel's Historische Zeitschrift, N. F. Bd. IV, 1885, стр. 154–161.

¹¹ Göttinger Indices scholarum vom Sommer 1888 und Winter 1888/89, J., Bd. I, стр. 3–18.

¹² Beiträge zur chronologie der Briete des Papstes Hormisda в “Sitzungsberichte der phil.-hist. Cl. der Ac. der Wiss. zu Wien”, Bd. CXXXVI, Abh. XI, стр. 50–68 и 1892, Abh. XIX, стр. 1–54.

¹³ Die Überlieferung der “Sammlung in Sachen des Monophysitismus” в “Nachrichten der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften”, 1894, № 2, стр. 27.

¹⁴ Zu den “Gesta de nomine Acacii” в Byzantinische Zeitschrift, Bd. III, 1894, стр. 146–149.

¹⁵ Avellana-Studien, в Sitzungsberichte der phil.-hist. Cl. der Kais. Ac. der Wiss. zu Wien, Bd. CXXXIV, 1896, стр. 1–134.

¹⁶ Prolegomena к I тому издания, 1895, стр. I–LXXXIX.

¹⁷ E. Schwartz, Publizistische Sammlungen zum Acacianischen Schisma, München, 1934, стр. 161.

¹⁸ Epistolarum decretalium summorum pontificum tomus primus, Romae, 1591.

¹⁹ Annales ecclesiastici, t. IV–VII, Romae, 1593–1596.

соборных деяний и Северин Бинь²⁰, и Филипп Лябб²¹, и Жан Гардуэн²², и, наконец, Доминик Манси²³.

Однако это была лишь частичная и, по большей части, стереотипная перепечатка из издания Карафы.

В 1868 г. издал основную массу «авелланских» документов брунсбергский профессор, потом Вармийский епископ Андрей Тиль в I томе своих «Писем Римских епископов (от св. Илария до Гормисды)»²⁴.

Издание Тиля, однако, не было изданием специально «Collectionis Avellanae» и далеко ее не исчерпывало. К тому же хронологические выкладки Тиля иногда ошибочны, и потому текст Тиля необходимо всегда сверять с текстом Гюнтера²⁵.

Наконец, последнее, полное и исчерпывающее, стоящее на высоком уровне филологической акривии издание «Collectionis Avellanae» появилось в венском «Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum» (т. 35, ч. I и II, 1895–1898). Как известно, Венская академия наук предприняла с 1866 г. научное издание латинских церковных писателей до VII в. Издание было предпринято и велось исключительно филологами, и это наложило неотразимый отпечаток на весь характер и научное достоинство книги. Филологическая тщательность требовала кропотливого сличения всех рукописей и их разночтений, выяснения исторических связей и судеб рукописей и т. п.

Такая работа требовала много времени, давала научно обоснованный, почти совершенный критико-филологический аппарат к тексту, но зато совершенно оставляла в стороне историко-фактическое и церковно-богословское содержание и значение издаваемых памятников²⁶. Издание закончено в 1942 г. на 70 томе²⁷.

Такой характер предприятия не мог не отразиться и на издании «Collectionis Avellanae». Первоначально издание этого сборника было поручено видному юристу исторической школы, члену «Общества в честь Карла Савиньи» Павлу Эвальду, но он через три года после этого умер (1887), успев сверить только один Ватиканский кодекс (4961)²⁸.

²⁰ Concilia generalia et provincialia, t. I, Coloniae Agrippinae, 1606.

²¹ Sacrosancta concilia... stud. Ph. Labbei et Gabr. Cossarti, t. V, Lutetiae Parisiorum, 1671–1674.

²² Conciliorum collegio regia maxima, t. IV, Paris, 1715.

²³ Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, t. VII–VIII, Florentiae, 1759.

²⁴ Epistolae Romanorum pontificum genuine et quae ad eos scriptae sunt a S. Hilario usque ad Pelagium II; t. I, a S. Hilario usque ad S. Hormisdam, Brunsbergae, 1868.

²⁵ L. Duchesne, L'Eglise au VI-ème siècle, Paris, 1925, стр. 48, прим. 1.

²⁶ В.В. Болотов, Лекции, т. I, стр. 123–124. В «Заметке о книге Лаухерта “Каноны важнейших др.-церковных соборов”» (Хр. Чт. за 1896 г., № 7, стр. 179) В.В. Болотов говорит о венском издании: «Венская Академия ведет свое дело как требует научный долг, т.е. “страшно медленно, как тучи”».

²⁷ Veilagsverzeichnis, Sommer, 1954 J., Otto Harassowitz, Leipzig, 1954, стр. 59.

²⁸ Prolegomena к I тому издания Гюнтера, стр. I, 1895.

Издание было поручено известному геттингенскому (потом — берлинскому) филологу Отто Гюнтеру²⁹. Чтобы изучить все рукописи «*Collectionis Avellanae*», Гюнтер в 1889 г. едет в Италию, где работает в Ватиканской библиотеке. После годичной работы над рукописями Гюнтер возвращается в Геттинген, где готовит вывезенные материалы к изданию. Зимой 1893 г. опять едет в Рим. Кроме того, Гюнтер вступил в ученую переписку с библиотеками и многими филологами Италии, Франции, Австрии, Швейцарии и Германии. И только после восьмилетней напряженной работы в 1895 г. вышла из печати I часть (LXXXIX ÷ 493 стр.)³⁰, а в 1898 г. — II часть³¹ (494–976 стр.) полного издания³² «*Collectionis Avellanae*».

Общий характер венских изданий сказался и на работе Гюнтера. Его издание дает только критическо-филологический аппарат к тексту и никаких пояснений исторического или богословского характера по содержанию документов в нем не имеется. Ни одного слова об этом нет и в его *Prolegomena* к I части. На 89 страницах Гюнтер излагает здесь подробно и сухо только одни перечисления рукописей, им использованных, их разночтения, их взаимосвязь и историю их издания. Документы же даются в виде сырого рукописного материала, с фотографической почти точностью передачи их филологической стороны, но без единого предваряющего или поясняющего слова издателя. Даже надписания и адресовка документов дается точно по рукописям, где эти столь необходимые в современном издании облегчающие чтение и нахождение текста принадлежности или почти отсутствуют. или сокращены и искажены переписчиками. Даже элементарного оглавления, перечисления издаваемых документов с указанием страниц их нахождения в книге не имеется. Чтобы найти какой-либо документ, нужно знать его содержание, а для этого перечитать или по крайней мере перелистать оба тома. А между тем в книге имеются (во II части) прекрасные указатели на 175 страницах (стр. 802–976), но они предназначены только для филологической работы над текстом. Филолог, держа в руках издание Гюнтера, быстро и легко по его указателям найдет любое интересующее его слово или языковой оборот, нужный ему для воссоздания истории развития латинского языка в эпоху раннего средневековья. Историк же, чтобы воспользоваться изданием Гюнтера, должен предварительно познакомиться с его содержанием путем перелистывания, ненужного чтения и штудирования нужного материала от начала до конца всей «*Collectionis Avellanae*».

---

²⁹ Там же, стр. I–II.

³⁰ *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*, vol. XXXV, *Epistolae imperatorum pontificum aliorum inde ab a CCCLXVIII, usque ad a DLIII datae Avellana quae dicitur collectio*, ex recensione Ottonis Guenter, Pars I, *Prolegomena, Epistolae I–CIV*, Vindobonae, 1895, стр. XCIV + 493.

³¹ Pars II, *Epistolae CV–CCXXXIV, Appendices; Indices*; Vindobonae, 1898, стр. 495–976.

³² Рецензии (совершенно бесцветные и краткие) на I часть в *Byzantinische Zeitschrift*, 1896, стр. 366 С. W; и на II часть, в том же *Byzant. Zeitschrift*, t. 8, 1899, стр. 226–227 С. W.

Конечно, такой чисто филологический метод издания дает полную гарантию того, что текст издаваемого памятника восстановлен издателем точно и воссоздан полностью, без искажений или привнесений с какой-либо конфессиональной или предвзято-исторической точки зрения. Беспристрастность этим достигается почти абсолютная. Текст говорит сам за себя, без малейшего влияния или давления со стороны авторитета или учености издателя. Однако при пользовании это создает те неудобства для богослова и историка, о которых говорил в свое время В. В. Болотов³³ и на что обращал внимание такой видный издатель исторических текстов, как проф. Э. Шварц³⁴.

В основу издания Гюнтером положены два наиболее полных и наиболее древних пергаментных рукописных кодекса «Авелланы» (оба XI в.): Vat. lat. 3787 и Vat. lat. 4961. Кроме того, Гюнтером изучены и использованы еще 9 харатейных (бумажных) кодексов XV–XVII вв. Ватиканский кодекс 3787 (обозначенный Гюнтером сиглой υ), начала XI в., в 163 листа, письма в два столбца, является более древним, чем Ватиканский кодекс 4961 (обозначенный у Гюнтера сиглой α), в 109 листов, тоже писанный в два столбца. Этот последний кодекс и описали впервые братья Баллерини и, на основании пометки на нем о принадлежности его в XI в. монастырю св. Креста у Авелланского источника, все собрание назвали «Collectio Avellana».

После издания Гюнтера, когда выяснился приоритет кодекса Vat. 3787 (υ), от которого прямо или посредственно зависят все остальные рукописи «Авелланы», в том числе и Vat. 4961 (α) братьев Баллерини, прежнее название всего сборника «Collectio Avellana» утратило право на существование и научно обоснованным было бы название «Collectio Vaticanici manuscript 3787»³⁵, однако прежнее краткое и звучное наименование настолько прочно привилось и вошло в железный фонд научных *termini technici*, что менять его даже сам Гюнтер нашел и неудобным, и невозможным³⁶. Такова вкратце внешняя история этого главного источника по истории «Акакианской схизмы».

в) Состав и содержание сборника

Переходя теперь к составу и содержанию памятника, необходимо сразу же отметить, что его высокое достоинство и значение для науки состоит в том, что большинство его документов сохранилось до нашего времени только в нем и нигде больше. Только лишь незначительная часть его документов известна нам и из других источников.

---

³³ В.В. Болотов, Лекции, т. I, стр. 124.

³⁴ E. Schwartz, *Publizionische Sammlungen zum Acacianischen Schisma*, München, 1934, стр. 161.

³⁵ O. Günther, *Avellana-Studien*, в *Sitzungsberichte der phil.-hist. Cl. der Ac. der Wiss. zu Wien*, Bd. CXXXIV (1895), Wien, 1896, стр. 1. Подобную мысль высказал и А. А. Васильев в своей монографии *Justin the First*, Cambridge, 1950, стр. 161.

³⁶ O. Günther, *ук. соч.*, стр. I.

По составу и содержанию документы «Авелланского сборника» возможно расчлнить на 8 групп:

1-я группа № 1–13 — документы, относящиеся к Римскому расколу Урсина — Дамаска (366/367 г.) и его последствиям (стр. 1–58 изд. Гюнтера).

2-я группа № 14–37 — документы, относящиеся к римскому расколу Евлалия — Бонифация (418/419 г.) и его последствиям (стр. 59–84 изд. Гюнтера).

3-я группа № 38–50 — ряд мало связанных между собою документов (стр. 84–117 изд. Гюнтера), состоящих из послания имп. Гонория к имп. Аркадию с протестом против насилия над Иоанном Златоустом (№ 38, стр. 85–88); два письма узурпатора Максима (383–388): одно к малолетнему имп. Валентиниану II в защиту православной церкви против ариан и манихеев (№ 39, стр. 88–90), а другое к папе Сирицию (384–399) против манихеев (№ 40, стр. 90–91), четыре письма папы Иннокентия I (402–417) относительно пелагианства: одно к африканским епископам (№ 41, стр. 92–96); другое — к Иерониму (№ 42, стр. 96–97); третье к Иоанну, еп. Иерусалимскому (№ 43, стр. 97–98) и четвертое — к Аврелию Карфагенскому (№ 44, стр. 98).

К этой же группе относятся и 6 документов времен папы Зосимы (417–418), по своему содержанию связанных с осуждением пелагианства³⁷:

№ 45 (стр. 99–103) письмо Зосимы к Аврелию Карфагенскому и прочим северо-африканским епископам в защиту сподвижника Пелагия — Келестия;

№ 46 (стр. 103–108) второе письмо Зосимы Аврелию и африканским епископам, посвященное палестинским соборам в связи с обвинениями Героса и Лазаря против Пелагия;

№ 47 (стр. 108–111) обвинительный доклад диакона Павлина папе Зосиме против Келестия;

№ 48 (стр. 111–113) письмо блаж. Августина пресвитеру Сиксту (будущему папе Сиксту III, 432–440);

№ 49 (стр. 113–115) письмо Евсевия, по моему разумению³⁸, пресвитера Антиохийского, к Кириллу Александрийскому (412–444);

№ 50 (стр. 115–116) письмо Зосимы Аврелию и Карфагенскому собору.

Содержание этих трех вышеперечисленных групп «Авелланского сборника» отношения к теме настоящей работы не имеет. Перечислил же я их для того, чтобы, с одной стороны, дать понятие о содержании всей «Collectionis Avellanae», а с другой стороны, что гораздо важнее, чтобы воспользоваться характером этих документов для последующих суждений о составителе или редакторе всего «Сборника» и о его целях, что, конечно, является

---

³⁷ Об этом см. у E. Caspar, *Geschichte des Papsttums*, Bd. I, Tübingen, 1930, стр. 350–356.

³⁸ Пишу «по моему разумению», ибо ни в надписании, ни в адресовке, ни в содержании письма нет никаких указаний на адресата и получателя. Ни слова не говорит об этом и Гюнтер. Что письмо написано к Кириллу Александрийскому, видно, конечно, из содержания (стр. 114, стих 2–3), но отправитель нигде в доступной мне литературе не значится. После больших усилий, разыскивая все о Кирилле и его адресатах, я нашел у E. Schwartz, *Acta Conciliorum Oecumenicorum*, т. I, ч. VII указание на это письмо (стр. 164, стих 7–8).

основным для оценки Авелланы как исторического источника. Здесь же замечу еще только то, что при внимательном рассмотрении этих документов видно, что эти три группы существовали самостоятельно до включения их в «Collectio Avellana» окончательным ее редактором³⁹.

Бросается в глаза при этом различие в форме надписания документов этих трех групп. Первая группа (о расколе Урсина) имеет надписания в форме искаженной адресовки; вторая группа (о расколе Евлалия) начинает свои документы вводными словами (*relatio, epistola, oratio, edictum, exemplum relationis, precum*). Третья группа (в основном посвященная пелагианству), ввиду ее разного состава, имеет смешанный характер надписания ее документов⁴⁰.

К 4-й группе относятся 5 писем папы Льва I В. (440–461), посвященных целиком смещению с Александрийской кафедры Тимофея Элуря и замене его Тимофеем Салофакиолом⁴¹ и для настоящей работы имеющих первостепенное значение:

№ 51 (стр. 117–119) письмо имп. Льву I от 17 июня 460 г.;

№ 52 (стр. 119–120) письмо Геннадию Константинопольскому, одновременное и аналогичное с № 51;

№ 53 (стр. 120–121) письмо Тимофею Салофакиолу;

№ 54 (стр. 121–122) письмо клиру Александрии и

№ 55 (стр. 123–124) письмо 10 египетским епископам, поддерживающим Тимофея Салофакиола.

Все три последних письма писаны одновременно — 18 августа 460 г.

Характерно для этой группы то обстоятельство, что эти пять писем Льва I, посвященные одному и тому же вопросу и написанные им в два приема в течение двух месяцев (17 июня и 18 августа 460 г.), сохранились до нашего времени только в «Collectio Avellana» и нигде в весьма многочисленных (и еще при жизни Льва В. издаваемых) списках его писем (специальных сборниках и смешанных кодексах) этих писем нет. Все издатели писем Льва В., начиная с Пасхазия Кенеля⁴², Петра Какциария⁴³, братьев Баллерини⁴⁴ и кончая последним изданием Э. Швартца⁴⁵, ни в одной рукописи, кроме «Collectionis Avellanae», не нашли даже следа этих пяти писем Льва В.⁴⁶

³⁹ О. Günther, Avellana-Studien, стр. 4.

⁴⁰ Особенно интересно надписание № 48 (письма блаж. Августина к пресвитеру Сиксту). Для суждения о характере сборника оно имеет немаловажное значение. Об этом речь будет ниже.

⁴¹ Об этих письмах см. у E. Caspar, ук. соч., т. I, стр. 554, и у Jaffe — Wattenbach, Regesta Pontificum Rom., t. I, 1885, стр. 74–75.

⁴² P. Quesnell, Leo magnus: Opera omnia (sermons et epistolae), Paris, 1675.

⁴³ P. Th. Cacciarus, Romana Leoninarum Epistolarum Collectio, t. I–II, Romae, 1753–1755.

⁴⁴ P. et G. Ballerini, t. I–III, Venetiis, 1757. Издание Баллерини перепечатал Минь, Patr. dat. t. 54–55.

⁴⁵ Э. Шварц издал письма Льва I В. в tomus alter, vol. IV, Acta Conciliorum Oecumenorum, В-Лpz., 1932, стр. XXXXVI ÷ 191.

⁴⁶ См. Э. Шварц, ук. соч., стр. XIII: “epistolarum enim illarum quinque argument et intentionem

Это имеет весьма важное значение для суждения о редакторе «Авелланы», методах и целях его работы и характере всего «Сборника» в целом.

Так как письма эти подлинны (и никто в этом никогда не сомневался), то остается только предположить, что редактор «Авелланы» взял их непосредственно из папского архива или видел их в Константинополе и в Александрии (вероятно, было и то, и другое). Далее, ни один сборник известных до сих пор писем Льва I не преступает хронологически даты 103 и 104 письма (по изд. E. Schwartz'a⁴⁷), т.е. 17 августа 458 г., а эти пять писем датированы 460 г. Значит, редактор «Авелланы» присоединил их к своему «Сборнику» как редчайшие документы, как дополнение к уже известному⁴⁸.

К 5-й группе относятся 14 писем папы Симплиция: к Василиску — одно (№ 56, стр. 124–129); к Зинону — четыре (№ 60, стр. 135–138; № 62, стр. 139–141; № 64, стр. 144–145 и № 66, стр. 147–149); к Акакию — восемь (№ 57, стр. 129–130; № 58, стр. 130–133; № 61, стр. 138–139; № 63, стр. 142–144; № 65, стр. 146; № 67, стр. 149–150; № 68, стр. 151–154 и № 69, стр. 154–155), к духовенству Константинополя — одно (№ 59, стр. 133–135).

Содержание всех этих писем касается монофизитских смут в Александрии и Антиохии времен Тимофея Элуря, Петра Монга и Петра Гнафея⁴⁹.

К этой группе примыкает еще и послание римского Собора 485 г. при Феликсе III (483–492) к духовенству и верующим Константинополя о низложении папских легатов Виталия и Мисена за их уступчивость перед Акакием и об осуждении этого последнего (№ 70, стр. 155–161)⁵⁰.

Документы этой группы целиком относятся к теме настоящей работы.

К 6-й группе относятся 8 подложных писем (Феликса Римского, № 71, стр. 162–169; Квинтиниана, еп. Аскуланского, № 7, стр. 170–182; Юстина, еп. Сицилийского, № 73, стр. 182–187; Антеона, еп. Арсинойского, № 74, стр. 188–194; Фауста, еп. Аполлониадского, № 75, стр. 194–199; Памфила, еп. Абидосского, № 76, стр. 200–205; Флакцина, еп. Родопского, № 77, стр. 206–212; и Асклепия, еп. Траллского, № 78, стр. 212–218) к Петру Гна-

---

ab eis quae inceteris habentur collectio, nibus, non differe nemo negaverit, tamen in illis non paucae quam, vis et admodum inter se diversae sint. Avellanae epistolarum ne vestigium quidem repetitur". Об этом же см. у Гюнтера, *Avellana-Studien*, стр. 27, и у Маассена, *ук. соч.*, т. I, стр. 789 и особенно стр. 272–273, а также у J. Langen, *Geschichte der römisch Kirche von Leo I*, Bonn, 1885, стр. 101–102.

⁴⁷ См. Э. Шварц, *ук. соч.*, стр. XIII: "neque ulla collectio ultra epistolarum 103, 104 diem, qui est 17 VIII 458, progreditur, ne Casinensis quidem, quam raritatem curiosam fuisse sumpra (стр. XII) apparguit".

⁴⁸ O. Günther, *Avellana-Studien*, стр. 60; E. Schwartz, *ук. соч.*, стр. XIII.

⁴⁹ Об этих письмах см. E. Caspar, *ук. соч.*, т. II, München, 1933, стр. 18–21; Jaffe — Wattenbach, *ук. соч.*, т. I, стр. 78–79; J. Langen, *ук. соч.*, т. I, стр. 127–132.

⁵⁰ Об этом у E. Caspar, т. II, стр. 37–38; Jaffe — Wattenbach, *ук. соч.*, т. I, стр. 81 и у J. Langen, *ук. соч.*, стр. 143.

фею, патриарху Антиохийскому, против введения им в Трисвятое прибавки «распныйся за ны»⁵¹.

Общее у 5-й и 6-й групп то, что документы этих групп имеются не только в «Авеллане», но и в Берлинском рукописном кодексе 79(B). Рукописи этого кодекса датируются VIII в. (Корбейский монастырь)⁵² и началом IX в.⁵³ Неизвестно когда эти рукописи очутились в Вердуне, в библиотеке тамошней иезуитской Коллегии. Там их видел и частично использовал в приложении к изданию кодекса Феодосия⁵⁴ известный ученый и издатель многих отцов церкви и соборных деяний Сирмонд⁵⁵. Потом этот кодекс через библиотеку иезуитской коллегии в Клермоне (1764) и частные собрания Мейермана-Филиппса (1824) попал, наконец, в Берлинскую библиотеку (где, по описанию В. Розе, значился сначала под № 1776).

Рукописи этого кодекса внимательно изучил О. Гюнтер (1892)⁵⁶ для сличения с «Авелланой» и Э. Швартц (1932) для издания своих «Publizistischen Sammlungen»⁵⁷.

В результате кропотливой сличительной работы О. Гюнтера и Э. Швартца над взаимоотношениями «Авелланы» и Берлинского кодекса 79 (бывш. 1776) выяснились очень важные для выяснения происхождения «Авелланского сборника» обстоятельства. Оказывается, все документы 5-й и 6-й групп «Collectionis Avellanae» (за исключением № 60 и 67) имеются также и в *Coll. Berol.* 79, причем размещены они там в совпадающей последовательности:

Письма Симплиция	в	<i>Coll. Avell.</i>	№ 61–66	=	<i>Coll. Berol.</i>	6–11
“ “	в	“ “	68–69	=	“ “	12–13
“ “	в	“ “	56–59	=	“ “	14–17

Изучая это явление, Гюнтер пришел к твердому выводу⁵⁸, с чем вполне совпали и разыскания Швартца⁵⁹, что для этой группы документов и у *Col-*

⁵¹ Об этих письмах и их подложности: O. Günther, Die Überlieferung der “Sammlung in Sachen des Monophysitismus” в Nachrichten der Göttinger Gessel. der Wiss., Phil.-hist. Cl., 1894, № 2, стр. 27; F. Maassen, стр. 756; и E. Schwartz, Publizistische Samml. zum Acac. Schisma, M., 1934, стр. 287. Несмотря на их подложность, письма эти важны для характеристики той эпохи, так как появились они как орудие борьбы и в этой борьбе сыграли известную роль.

⁵² E. Schwartz, Publ. Samml. zum Ac. Schis., M., 1934, стр. 280.

⁵³ O. Günther, Avellana-Studien, стр. 28.

⁵⁴ Appenda codicis Theodosiani, cum epistolis aliquot veterum cruciliorum et pontificum Romanorum tunc primum editis, a. 1631 (opera, ed. Venetiis, t. I, col. 435).

⁵⁵ О нем — см. Ф. Терновский, Русская и иностранная библиография по истории Византийской церкви IV–IX вв., Киев, 1885, стр. 932; F. Maassen, т. I, стр. 764.

⁵⁶ O. Günther, ук. соч., стр. 28–37.

⁵⁷ E. Schwartz, ук. соч., стр. 280–287.

⁵⁸ O. Günther, Avellana-Studien, стр. 36–43.

⁵⁹ E. Schwartz, Publ. Samml. M., 1934, стр. 283–287.

lectio Avellana, и у *Collectio Berolinesis* был какой-то общий источник, который редакторы обоих этих сборников использовали независимо друг от друга.

Распорядок подложных писем к Петру Гнафею в «Авеллане» и отсутствие в ней 18 и 19 номеров *Coll. Berol.* (письма Симплиция к Акакию и ответ последнего) убеждают, что *Coll. Berol.* 79 независима в своей редакции от «Авелланы».

Обратное явление (т.е. зависимость «Авелланы» от берлинского сборника) тоже исключается отсутствием в *Coll. Berol.* 79 двух писем Симплиция к Зинону (№ 60) и к Акакию (№ 67), а также разницей в надписании подложных писем к Петру Гнафею. В «Авеллане» надписания краткие, а в Берлинском кодексе в распространенной редакции. Что это не добавления редактора, показывает тот факт, что надписания в Берлинском кодексе буквально совпадают с греческими оригиналами писем, опубликованными Гюнтером и Шварцем по различным рукописям⁶⁰. Таким образом, раз оба редактора (*Coll. Avell.* и *Coll. Berol.*) друг от друга независимы, совпадение и последовательность документов в их сборниках⁶¹ можно объяснить только наличием у них какого-то общего источника, который Гюнтер назвал «Сборником X» и попытался его реконструировать. Подобную же попытку сделал и Шварц, реконструкция которого кое в чем разнится от гюнтеровской⁶².

Расхождения между Шварцем и Гюнтером сводятся к тому, что в то время как Гюнтер при реконструкции взаимоотношений «Авелланы» и Берлинского кодекса к предполагаемому «Сборнику X» полагал, что редактор *Coll. Berol.* непосредственно черпал из «Сборника X», а редактор «Авелланы» заимствовал свои документы 5-й и 6-й групп не непосредственно, а через посредство еще одного неизвестного нам «Сборника Y»⁶³, то Шварц не видел необходимости осложнять дело введением еще другого неизвестного «Сборника» (Y), а хронологический порядок писем «Авелланы» относил непосредственно к работе ее редактора⁶⁴. Его собирательской ревности Шварц приписывал и дополнение «Сборника» № 60 и 67, которых нет в *Coll. Berol.*⁶⁵ Для суждений о предполагаемом редакторе «Авелланы» это расхождение между Шварцем и Гюнтером, само по себе малое и незначительное, которому и сам Шварц не придавал особого значения, будет иметь, однако же, как увидим ниже, очень существенное значение.

---

⁶⁰ Гюнтер в I томе издания «Авелланы» (стр. 163–219), а выводы в «*Avellana-Studien*», стр. 37; а Шварц в «*Publizistische Sammlungen*», стр. 125–150.

⁶¹ Как на образец совпадения Шварц указывает еще на одинаковую в обоих сборниках последовательность писем времен Василиска (*Coll. Avell.* № 56–59 = *Coll. Berol.* № 14–17), что отнюдь не может быть объяснено их содержанием. Е. Schwartz, ук. соч., стр. 283.

⁶² E. Schwartz, ук. соч., стр. 283–284.

⁶³ O. Günther, ук. соч., стр. 40.

⁶⁴ E. Schwartz, ук. соч., стр. 283.

⁶⁵ E. Schwartz, там же.

7-я группа документов «Авелланы» (№ 79–104) имеет явно неупорядоченный характер и только частично относится к теме настоящей работы. Однако состав ее является хорошим показателем приемов работы составителя «Авелланы».

Группа эта начинается 3 письмами (№ 79–81) времен папы Геласия (492–496), затем прерывается 12 документами (№ 82–93) времен Юстиниана I В. (527–565), пап Иоанна II (533–535), Агапита (535–536) и Вигилия (537–555), затем опять идут документы геласианского времени, в числе 10 (№ 94–103), из них четыре посвящены пелагианству (№ 94, 96, 97, 98), один (№ 100) направлен против остатков языческих люпекарий в Риме, а пять относятся к «акакианской схизме» и ее последствиям (№ 95, 99, 101, 102 и 103); наконец, последним в этой группе помещено письмо папы Симмаха (498–514) к епископам, духовенству и верующим Иллирии и Дардании, побуждающее их к сопротивлению по отношению к Константинополю.

Для истории «акакианской схизмы» и взаимоотношений между Востоком и Западом в этот период существенное значение имеют следующие документы этой группы: № 79 (стр. 219–223) письмо п. Геласия епископам Дардании от 493 г. с извещением о вступлении на кафедру и с предупреждением сторониться еретиков — греков, у которых, по словам папы, всегда было обилие ересей⁶⁶.

№ 80 (стр. 223–225) письмо дарданских епископов к п. Геласию от 494 г., в ответ на № 79, выдержанное в очень подобострастном тоне⁶⁷. Ланген называет его «самым рабским из всех писем, какие до сих пор получались в Риме»⁶⁸.

№ 81 (стр. 225–229) письмо п. Анастасия II (496–498), ошибочно в «Авеллане» приписываемое п. Геласию, к Лаврентию, еп. Лихнидскому с кратким изложением веры и известиями о переговорах с Константинополем⁶⁹.

№ 95 (стр. 369–398) послание п. Геласия епископам Дардании от 1 февраля или 13 мая 496 г. «Valde miratisimus» («Очень мы удивлены»), представляющее собой оправдание римской кафедры относительно правомочия ее осудить Акакия самолично без соборного постановления, в чем сомневались дарданцы. Послание это для выяснения истинных целей Рима и приемов его борьбы имеет очень важное значение⁷⁰. В «Авеллане» имеется две

---

⁶⁶ Об этом письме см. E. Caspar, т. II, стр. 55; Jaffe — Wattenbach, т. I, стр. 84; J. Langen, т. I, стр. 164.

⁶⁷ О нем см. E. Caspar, т. II, стр. 55–56; J. Langen, т. I, стр. 166–167; Jaffe — Wattenbach, т. I, стр. 85.

⁶⁸ J. Langen, т. I, стр. 167.

⁶⁹ О нем см. E. Caspar, т. II, стр. 84; J. Langen, т. I, стр. 215; Jaffe — Wattenbach, т. I, стр. 95; П. Лепорский, История Фессалоникийского экзархата, СПб., 1901, стр. 148 и O. Günther, Avelana-Studien, стр. 96–98.

⁷⁰ О нем E. Caspar, т. II, стр. 56–63; J. Langen, т. I, стр. 178–185; Jaffe — Wattenbach, стр. 88;

редакции этого письма. Вторая, более краткая, помещена Гюнтером в I приложении, стр. 774–790.

№ 99 (стр. 440–453) — так называемые «Gesta de nomine Acacii», обычно приписываемый п. Геласию трактат «In causa fidei» («В деле веры»)⁷¹, представляющий собой историческое изложение хода «акакианской схизмы», предназначенное, по мнению Швартца⁷², служить инструкцией магистру оффикий правительства Одоакра Андромаху, посланному для переговоров в Константинополь и уполномоченному папой Феликсом III вести переговоры о возобновлении общения.

Другая, более краткая редакция «Gestorum» помещена Гюнтером в III приложении к «Авеллане», стр. 795–800.

№ 101 (стр. 464–468) послание п. Геласия епископам Дардании и Иллирии от 3 августа 494 г. в ответ на их льстивое письмо (№ 80), в котором папа предостерегает их снова перед общением с Константинополем⁷³.

№ 102 (стр. 468–474) докладная записка (*libellus*) апокрисиариев Александрийской церкви в Константинополе (пресвитера Диоскора и чтеца Еремона), врученная легатом папы Анастасия II (496–498), содержащая предостережение против искажения в греческих переводах томоса Льва I и предложение восстановления общения между Римом и Александрией, на основе прилагаемого ими исповедания веры (между прочим, почти дословно совпадающего с текстом Энотикона).

№ 103 (стр. 474–487) деяния римского собора при Геласии от 13 мая 495 г. относительно снятия отлучения с бывшего легата Феликса III Мизена, осужденного летом 484 г. вместе со своим товарищем Виталием (к тому времени уже умершим) за уступки по отношению к Акакию⁷⁴.

И, наконец, последний документ 6-й группы, имеющий значение для истории «акакианской схизмы» — это № 104 (стр. 487–493), представляющий собой письмо п. Симмаха (488–514) от 8 октября 512 г. (или 5 марта 513 г., об этом ниже) к епископам, духовенству и верующим Иллирии и Дардании, полное самой низкопробной агитации против Константинополя⁷⁵.

Относительно общей характеристики этой группы необходимо отметить, что:

Лепорский, ук. соч., стр. 140–145.

⁷¹ О нем см. O. Günther, Avellana-Studien, стр. 110–124 и его же Zu den “Gesta de nomine Acacii” в Byzantinische Zeitschrift, Bd. III, 1894, стр. 146–149.

⁷² E. Schwartz, Publizistische Sammlungen, стр. 265–267.

⁷³ О нем см. E. Caspar, т. II, стр. 55; J. Langen, т. I, стр. 174; Лепорский, ук. соч., стр. 138; Jaffe — Wattenbach, т. I, стр. 86.

⁷⁴ Об этом см. J. Langen, т. I, стр. 186–188; E. Schwartz, Publizistische Sammlungen, стр. 225–226.

⁷⁵ Об этом см. E. Schwartz, Publ. Samml., стр. 248–249; E. Caspar, т. II, стр. 123; J. Langen, т. I, стр. 245–246; Лепорский, стр. 149–151; Jaffe — Wattenbach, т. I, стр. 99.